

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 11–41.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 1. P. 11–41.

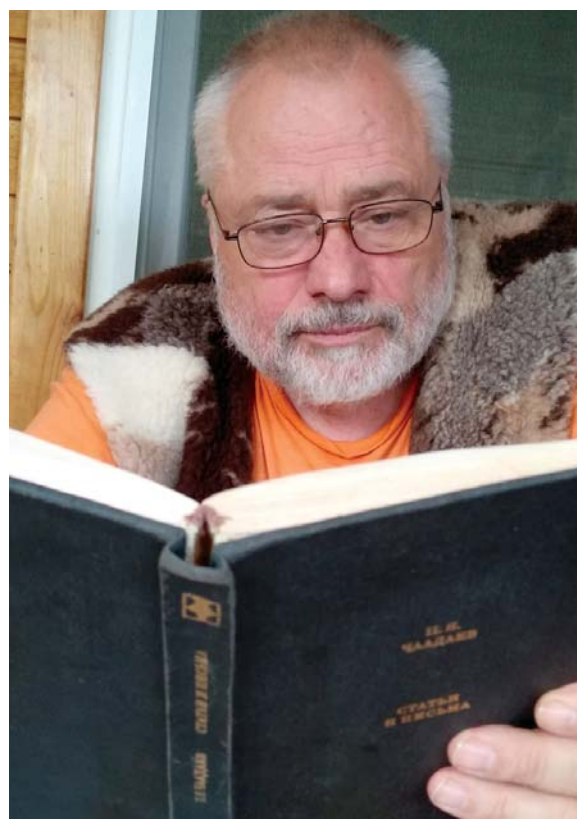
Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-11-41

ОТ РЕДАКТОРА

ВЛАСТЬ СКВОЗЬ УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО ФОЛЬКЛОРА (К 200-ЛЕТИЮ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Это был великий, жестокий и странный писатель-сатирик. Он умудрился посмотреть зло и пристально на русское чиновничество, будучи сам большим чиновником — вице-губернатором и генералом. Но смотрел он на современность сквозь призму русского фольклора, поэтому его персонажи не то люди, не то сказочные чудовища. И в нем жило ощущение русской грядущей катастрофы, когда на жизнь надвинется некое ОНО и история «прекратит

© Кантор В. К., 2026

течение свое». Он был настоящий неподкупный чиновник с прозвищем вице-Робеспьер и писатель с огромной мощью изобразительного таланта. Его считали борцом с самодержавием, поэтому его очень ценили коммунистические лидеры. А он просто был хорошим писателем с зорким глазом сатирика, видевшим зло, пакости и пошлости. И очень умным человеком.

Ключевые слова: А. Н. Афанасьев, А. К. Толстой, гуишгнмы, М. Е. Салтыков-Щедрин, город Глупов, помпадур, вице-губернатор, А. С. Пушкин, сон Татьяны, Ф. М. Достоевский, конец истории

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Власть сквозь увеличительное стекло фольклора (К 200-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 11–41.
doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-11-41.

From the Editor

POWER THROUGH THE MAGNIFYING GLASS OF FOLKLORE
(ON THE 200TH ANNIVERSARY OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN)

Vladimir K. Kantor

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. He was a great, cruel, and strange satirist. He managed to cast a sharp and evil eye on Russian bureaucracy, despite being a high-ranking official himself — a vice-governor and a general. But he viewed modernity through the prism of Russian folklore, so his characters are half-human, half-fairytale monsters. And he was imbued with a sense of impending Russian catastrophe, when some kind of IT would descend upon life and history would “cease its course.” He was a truly incorruptible official, nicknamed “Vice-Robespierre,” and a writer with a tremendous artistic talent. Considered a champion of autocracy, he was highly valued by communist leaders. But

he was simply a good writer with a keen satirical eye, able to discern evil, nastiness, and vulgarity. And a very intelligent man.

Keywords: A. N. Afanasyev, A. K. Tolstoy, Houyhnhnms, M. E. Saltykov-Shchedrin, the town of Foolov, pompadors, vice-governor, A. S. Pushkin, Tatyana's dream, F. M. Dostoevsky, the end of history

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2026) “Power through the Magnifying Glass of Folklore (On the 200th Anniversary of M. E. Saltykov-Shchedrin)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(1), pp. 11–41. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-11-41.

Салтыков-Щедрин был очень жесткий, даже жестокий писатель, практически ни одного светлого образа. Пожалуй, можно назвать еще одного столь же жесткого сатирика — это ирландец Джонатан Свифт (1667, Дублин, Ирландия — 1745, там же), ставший великим английским писателем. Свифт — очевидный мизантроп, люди для него были либо лилипуты, либо монструозные существа йеху. Оба слова вошли в европейские языки. Но он все же нашел положительный род земных существ — это гуигнгнмы, лошади, которым йеху прислуживали как рабы¹.

У Щедрина гуигнгнмов нет. Хотя вся его как бы реалистическая палитра пронизана сказочными мотивами. Вообще-то русская литература создавалась в сказочном контексте. Начиная с первой поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», обширного цикла его сказок, вплоть до спорного «Конька-Горбунка», где авторство Пушкина просвечивает сквозь строки Ершова. Вспомним Гоголя с его «Майской ночью», «Вием», «Страшной мезьей», вспомним слова Хомякова о сохранности мифологических мотивов в русской мысли, а также «Городок в табакерке» философа и лидера любомудров Владимира Одоевского. Освоение

¹ Страна гуигнгнмов (англ. *Houyhnhnm*) описана в IV части романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера». Автор пишет, что слово «гуигнгнм» на языке гуигнгнмов означает «лошадь», или — «совершенство природы»; по мнению историков, звучанием этого слова Свифт воспроизводит лошадиное ржание. Антиподом высокоморальным гуигнгнмам в романе выступают омерзительные йеху. Йеху, по замыслу Свифта, — концентрированный образ природы человека.

И. Н. Крамской. Портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1879

фольклора большими русскими писателями видно в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Необходимо сказать, что в нынешнем 2026 году мы отмечаем и двухсотлетие Александра Николаевича Афанасьева (1826–1871) — собирателя фольклора, исследователя духовной культуры славянских народов. Он был историк, литературовед, да еще и камер-юнкер. Со школьной скамьи я помню толстый трехтомник «Русских народных сказок», собранных Афанасьевым. А стоит еще напомнить его статьи «Ведун и ведьма», «Дедушка домовой»

*Август Вегер (August Weger). Портрет Александра Николаевича Афанасьева.
Вторая половина XIX века*

и другие. Итогом его исследований стала трехтомная работа «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1871), где он систематизировал свои исследования в области натурмифологии. Так что сатирик писал свою прозу, бесспорно творчески осмысляя труды современников.

Пожалуй, самой читаемой книгой писателя Щедрина, вошедшей даже в школьную программу, надо назвать «Историю одного города», написанную в 1869–1870 годах. Начинается текст со сказочно-пародийного пересказа «Повести временных лет» (вступление к «Истории одного города»).

Но за год до текста Щедрина, в 1868-м была написана пародийная (или сатирическая, как кому больше нравится) поэма «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» Алексея Константиновича Толстого.

Поэма, опираясь все на ту же «Повесть временных лет», пересмеивала ключевые этапы русской истории:

Вся земля наша велика и обильна,
а наряда в ней нет.

Нестор, летопись, стр. 8

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

⟨...⟩

29

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

[Толстой, 1969, с. 371–377]

Собственно, Иван Васильевич вполне годится в галерею монстров, изображенных в «Истории одного города». Но все же начнем с «Повести временных лет»:

И. Е. Репин. Портрет графа А. К. Толстого. 1879

Стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва,

зимигола, корсь, нарова, ливы. (...) Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру.

[Повесть временных лет, 1950, с. 209–210]

У Салтыкова-Щедрина дано пародийно-сказочное переосмысление насельников будущего русского пространства. Обитатели изображенного им мира хоть и не йеху, но странные племена. Городской летописец сообщает:

Был, говорит он, в древности народ, головоотяпами именуемый. (...) Головоотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадетя — об стену тяпают; Богу молиться начнут — об пол тяпают. По соседству с головоотяпами жило множество независимых племен, но только замечательнейшие из них поиме-

нованы летописцем, а именно: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, чернонебы, долбежники, проломленные головы, слепороды, губошлепы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи. Ни вероисповедания, ни образа правления эти племена не имели, заменяя все сие тем, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, мирились, клялись друг другу в дружбе и верности, когда же лгали, то прибавляли «да будет мне стыдно», и были наперед уверены, что «стыд глаза не выест». Таким образом взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими женами и девами и в то же время гордились тем, что радушны и гостеприимны. Но когда дошли до того, что ободрали на лепешки кору с последней сосны, когда не стало ни жен, ни дев, и нечем было «людской завод» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за ум. Поняли, что кому-нибудь да надо верх взять, и послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами таяться, пока кто кого перетяпает. «Хитро это они сделали, — говорит летописец, — знали, что головы у них на плечах растут крепкие — вот и предложили». И действительно, как только простодушные соседи согласились на коварное предложение, так сейчас же головотяпы их всех, с Божьей помощью, перетяпали. Первые уступили слепороды и рукосуи; больше других держались гущееды, ряпушники и кособрюхие. Чтобы одолеть последних, вынуждены были даже прибегнуть к хитрости. А именно: в день битвы, когда обе стороны встали друг против друга стеной, головотяпы, неуверенные в успешном исходе своего дела, прибегли к колдовству: пустили на кособрюхих солнышко. Солнышко-то и само по себе так стояло, что должно было светить кособрюхим в глаза, но головотяпы, чтобы придать этому делу вид колдовства, стали махать в сторону кособрюхих шапками: вот, дескать, мы каковы, и солнышко заодно с нами. Однако кособрюхие не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали из мешков толокно и стали ловить солнышко мешками. Но изловить не изловили и только тогда, увидев, что правда на стороне головотяпов, принесли повинную.

[Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 270–271]

И про порядок: «...воротились домой и опять стали сами собой устраиваться. Под дождем онучи сушили, на сосну Москву смотреть лазили. *И все нет как нет порядку, да и полно* (курсив мой. — В. К.)» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 273].

Далее писатель вводит классические сказочные мотивы, известные нам из народных сказок. К тому же текст строится на русских поговорках и пословицах, собранных Владимиром Далем и выпущенных им в свет в 1862 году.

Собрав воедино куралесов, гущеедов и прочие племена, головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидною целью добиться какого-нибудь порядка. Истории этого устройства летописец подробно не излагает, а приводит из нее лишь отдельные эпизоды. Началось с того, что Волгу толочном замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в сложенном тесте утопили, потом свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потом лапти растеряли да по дворам искали: было лаптей шесть, а сыскали семь; потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом батьку на кобеля променяли, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет.

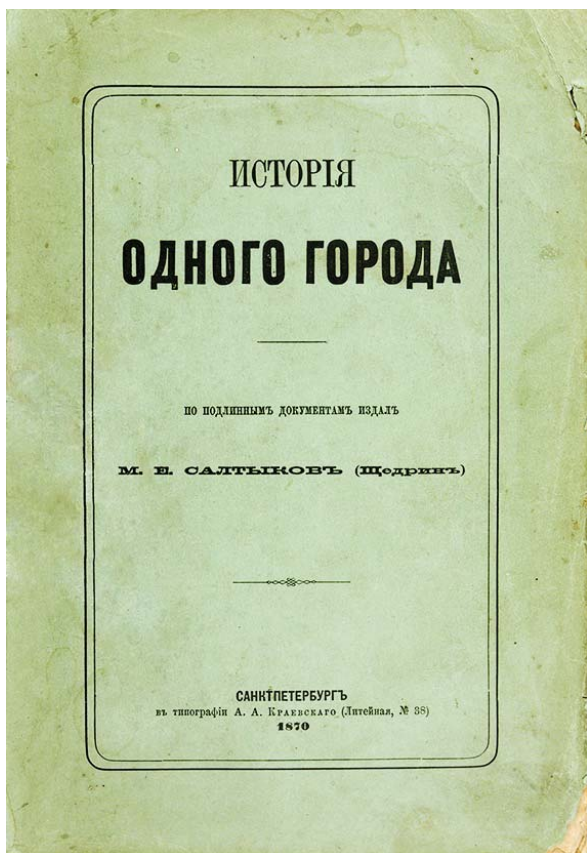
[Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 271]

А потом князь велел построить город, назвать его Глуповым, головотяпы же стали глуповцами.

Существенно добавить, что великий сатирик и сам создал цикл сказок (32, как известно). В него вошли такие известные сказки, как «Повесть о том, как

один мужик двух генералов прокормил», «Премудрый пискарь» и др. Но что за человек, создавший этот странный мир, кто он по происхождению... Обратимся к его биографии.

Родился Михаил Евграфович Салтыков 27 января 1826 года в селе Спас-Угол Тверской губернии в семье богатых помещиков. Будущий самый злой русский сатирик рос в весьма родовой и богатой семье, подтвердив идею, что самые острые и непримиримые критики власти — выходцы из сословия весьма привилегированного. Достаточно вспомнить декабристов, да царубийц Ульяновых, в честь этих царубийц старинный город Симбирск, родина Николая Карамзина, Сергея Аксакова, Ивана Гончарова и других классиков русской литературы, был назван Ульяновском.

М. Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города». Обложка первого издания. 1870

Дом, где родился М. Е. Салтыков-Щедрин (имение в селе Спас-Угол).
Акварель Д. Афанасьева. Начало 1900-х годов

Как говорится в комментариях к биографии писателя, отцом Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина был Евграф Васильевич Салтыков², дворянин, служивший коллежским советником. Коллежский советник — это гражданский чин VI класса в Табели о рангах Российской империи (XVIII–XIX века), который соответствовал военным званиям армейского полковника и флотского капитана 1-го ранга. Мать — Ольга Михайловна (в девичестве Забелина), из богатой купеческой семьи, которая приобрела имение.

Салтыковское родовое поселение Спас-Угол, или Пошехонье, переименовывать не стали, как Симбирск. В конце жизни писатель создает своего рода домашний эпос «Пошехонская старина», который, как пишут исследователи, построен полностью на автобиографическом материале, так что можно вполне понимать жизнь Салтыкова-Щедрина, опираясь на этот текст. Последуем примеру исследователей.

Как вспоминает сатирик, будучи уже сорока лет, его отец женился на пятнадцатилетней купеческой дочери. Но расчет на богатое приданое не оправдал-

² Фамилия Салтыков образована от прозвища Салтык (слово тюркского происхождения: хромой, соблюдающий порядок, или конный воин).

Евграф Васильевич Салтыков (1776–1851)

Ольга Михайловна Салтыкова, мать писателя.

ся: по купеческому обыкновению, его обманули, а он, в свою очередь, выказал при этом непростительную слабость характера. Напрасно сестры уговаривали его не ехать в церковь для венчания, покуда не отдадут договоренной суммы полностью; он доверился льстивым обещаниям и обвенчался. Вышел так называемый неравный брак, который впоследствии сделался источником бесконечных укоров и семейных сцен самого грубого свойства.

Брак этот был неравен во всех отношениях. Отец был, по тогдашнему времени, порядочно образован, мать — круглая невежда; отец вовсе не имел практического смысла и любил разводить на бобах, мать, напротив того, необыкновенно цепко хваталась за деловую сторону жизни, никогда вслух не загадывала и действовала молча и наверняка; наконец, отец женился уже почти стариком и притом никогда не обладал хорошим здоровьем, тогда как мать долгое время сохраняла свежесть, силу и красоту. Понятно, какое должно было оказаться при таких условиях совместное житье. Тем не менее благодаря необыкновенным приобретательным способностям матери семья начала быстро богатеть. О матери все соседи в один голос говорили, что Бог послал в ней не жену, а клад. Сам отец, видя возрастание семейного благосостояния, примирился с неудачным браком, и хотя жил с женой несогласно, в конце концов вполне подчинился ей.

Маленький Миша учился прилежно, выучил несколько языков, свободно говорил по-французски и по-немецки. Как пишут биографы, с трех лет Салты-

ков-Щедрин наблюдал, как занимаются его старшие братья и сестры. С шести лет будущего писателя учил грамоте крепостной художник Павел Соколов, а латынь ему преподавал священник из соседнего села Заозерье. К поступлению в учебное заведение Салтыкова-Щедрина готовила и сестра Надежда, выпускница института благородных девиц.

В августе 1836 года Салтыков-Щедрин успешно сдал экзамены и поступил сразу в третий класс Московского дворянского института. Там проходили обучение дети российских дворян. Стоит отметить, что там воспитывались звездные имена русской литературы: Василий Жуковский, Александр Грибоедов, Михаил Лермонтов. Учился Салтыков-Щедрин на отлично. Каждые полтора года институт переводил двух лучших воспитанников в Царскосельский лицей, где раньше учился Александр Пушкин. В 1838 году туда отправили и Салтыкова-Щедрина. Он был избран однокурсниками преемником Пушкина, став «Пушкиным тринадцатого выпуска».

Государственная служба для Салтыкова была делом predetermined: поскольку он учился в Царскосельском лицее за государственный счет, то должен был провести на службе шесть лет. В 1844 году он поступил в канцелярию Военного министерства. Затем был кружок Петрашевского, с которым он вскоре разошелся, затем повесть «Запутанное дело», которая была опубликована в журнале «Отечественные записки» (1848, № 3, отд. I, стр. 50–120. Подзаголовок — «Случай». Подпись: «М. С»). История публикации по-своему характерная, с нее начинается настоящая судьба Щедрина. В начале 1848 года Салтыков прочел только что законченную повесть В. Е. Канкрину, который «был в восторге от нее». Воспользовавшись дружескими связями с И. И. Панаевым, Канкрин передал рукопись в «Современник». Панаев, познакомившись с нею, отклонил повесть Салтыкова, мотивируя отказ цензурными затруднениями. «Отечественные записки» не испугались. Но с 1848 года началось так называемое «мрачное семилетие», и Салтыков попал под раздачу. Стоит привести хотя бы одну фразу из повести, чтобы понятнее стала реакция начальства: «Россия — государство обширное, обильное и богатое; да человек-то иной глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 1, с. 205]. Ничего себе фразочка! Он чудом избежал отправки в солдаты, его повесть отдали на рецензию знаменитому литератору Нестору Васильевичу Кукольникову, автору пьес «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), «Рука Всевышнего Отечество спасла», прекрасных песен, сумевшего смягчить приговор. И Щедрин был отправлен в ссылку, в Вятку, где провел семь лет, был назначен младшим чиновником канцелярии губернского правления, а в ноябре 1848 года его повысили до старшего чиновника особых поручений при губернаторе. Среди других чиновников

Собор Троицы Живоначальной — кафедральный собор Вятской епархии

Вятки М. Е. Салтыков выделялся образованием и знанием дела. Два раза он занимал должность правителя губернаторской канцелярии, а в 1850 году стал советником губернского правления.

В Вятку за несколько лет до него был сослан Герцен (при советской власти город почему-то переименовали в Киров, замечу, что убитый кем-то парработник в Вятке никогда не был). В конце 1840 года Герцен напечатал в «Отечественных записках» отрывки из «Записок одного молодого человека» — «Город Малинов и малиновцы», где изображена была Вятка. В Вятке М. Е. Салтыков познакомился со своей будущей женой — Елизаветой Аполлоновной Болтиной, дочерью вятского вице-губернатора (ей было тогда 12 лет, а ему 26), на которой он женился в 1856 году. Ссылка подарила Михаилу Евграфовичу также литературный псевдоним. Предполагается, что одно время он вел следствие по делу раскольников и познакомился с пожилым казанским купцом Трофимом Тихоновичем Щедриным, который произвел на него большое впечатление своей мудростью и острословием. В память об этом М. Е. Салтыков, как считается, и взял литературный псевдоним Щедрин. По версии его сына, этот псевдоним подарила ему жена, сказав, что он щедр на сарказмы.

Впечатления о Вятке Салтыков передал в «Губернских очерках» (1856–1857) — самом поразившем публику в те годы произведении. Опубликовал их смелый тогдашний издатель М. Н. Катков в своем «Русском вестнике». В том же году сразу пишет обстоятельный отклик ведущий критик «Современника» Н. Г. Чернышевский: «Давно уже не являлось в русской литературе рассказов, которые возбуждали бы такой общий интерес, как “Губернские очерки” Щедрина, изданные г. Салтыковым. Главная причина громадного успеха этих рассказов очевидна каждому. В них очень много правды, — очень живой и очень важной» [Чернышевский, 1948, с. 263]. Так начинается статья, а кончается она словами:

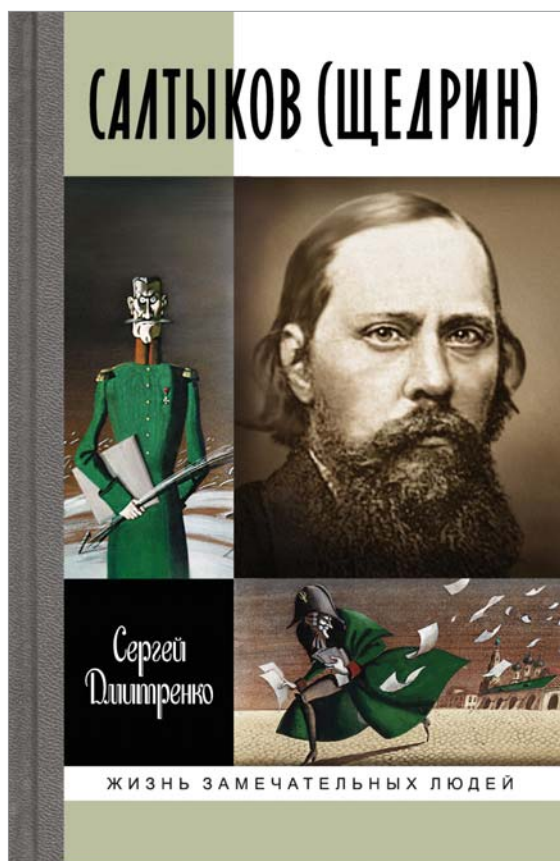
«Губернскими очерками» гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнейшими, и даровитейшими детьми нашей родины. Он найдет себе многих панегиристов, и всех панегириков достоин он. Как бы ни были высоки те похвалы его таланту и знанию, его честности и проницательности, которыми поспешат прославлять его наши собратия по журналистике, мы вперед говорим, что все эти похвалы не будут превышать достоинств книги, им написанной.

[Чернышевский, 1948, с. 302]

В 1856 году писатель вернулся в Петербург и обвенчался в Москве с Елизаветой Болтиной (ему 30, а ей 17 лет). С женой (единственной в его жизни) отношения были не простые, от матери он унаследовал деспотический и

Елизавета Болтина и Михаил Салтыков

расчетливый характер, но свою Бетси он, судя по воспоминаниям сына, любил всю жизнь. Через 17 лет брака она родила ему сына, а затем дочь. Дети выросли, обожая отца и мать. В 1856–1862 годах служил в Министерстве внутренних дел — вице-губернатором в Рязани (1858) и Твери (1860). В чинах, как видим не понижался.

Как известно, писатель много болел. Как полагает его сын, «первопричиной недугов была неожиданная высылка отца из Петербурга в Вятку в трескучий мороз, причем сопровождавшие его жандармы не позволили ему даже взять с собой самую необходимую теплую одежду. Эта поездка на курьерских, конечно, не прошла ему даром» [Салтыков, 1923, с. 44].

Как написал Сергей Федорович Дмитриенко, хорошо известен устойчивый советский «мем» о Салтыкове-Щедрине — «великий сатирик, борец с самодержавием». Но «борец» при этом довольно своеобразный, дослужившийся до должности вице-губернатора и чина действительного статского советника, то есть первого штатского генеральского чина. Интонация вице-губернатора и генерала чувствуется в обличениях писателя.

В конце 1860 года Салтыков пишет очерк «Литераторы-обыватели» (напечатан в «Современнике» в феврале 1861-го). Исследователь К. И. Тюнькин замечает:

Впервые город Глупов — один из самых значительных и великих образов щедринской сатиры — скромно появляется среди тех многочисленных городов и городишек, скверную и дырявую изнанку которых выворачивают провинциальные корреспонденты. Из очередного номера «Московских ведомостей» узнает автор «Литераторов-обывателей», что «у нас, в городе Глупове, городничий совсем от рук отбился; на главной площади лежит кучами навоз; по улицам ходят стаями собаки» и т. д. и т. п. И далее рассказывается история, которая произошла в городе Глупове с местным корреспондентом-обличителем. Невероятный переполох, «ужасное, потрясающее действие» произвела в городе обличительная

статья, направленная против глуповского градоначальника. Корреспондент — им оказался учитель местного уездного училища Корытников, скрывшийся под псевдонимом «Туземец», — «обличал» городничего в том, что тот последним явился на пожар, когда горели холостые постройки при доме мещанки Залу-паевой, и вместо того, чтобы командовать пожарными, играл в карты... И что же? Шустрый публицист, будучи «пропущен сквозь строй жизненных обстоя-тельств» — всяческих мелких, но изнуряющих преследований, — был в конце концов переведен из города Глупова в город Дурацкое Городище, а незадачли-вый градоначальник, по-видимому, продолжал заниматься карточной игрой.

[Тюнькин, 1989, с. 306–307]

Стоит отметить важную для него литературную работу в редакции журна-ла «Современник» (1863–1864): именно журнальная жизнь привела Салтыкова к резкому столкновению с Ф. М. Достоевским, редактором журнала «Эпоха». Писатели обменялись злыми фельетонами. Достоевский умел, когда хотел, яз-вить не хуже Салтыкова. В своем журнале (1864, № 5) Достоевский опубликовал фельетон «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», где Щедрин выведен в образе некоего не очень умного Щедродарова. Салтыков, как мне кажется, никогда не простил Достоевскому насмешки. Со временем он, оставив службу, стал вместе с Некрасовым соредактором журнала «Отечественные записки» (1868–1884). В 1875 году волею Некрасова, когда Салтыков лечился за грани-цей, журнал на выгодных для Достоевского условиях опубликовал его роман «Подросток». Но после смерти Некрасова попытка Достоевского напечататься в «Отечественных записках» оказалась неуспешной.

Через несколько лет сатириком была создана «История одного города», са-мая убийственная книга о русской власти. В ней представлена целая галерея фантастических монстров, так что невольно вспоминается сон Татьяны из «Евгения Онегина»:

XVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сених;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:

Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

XVII

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конской топ!

[Пушкин, 1995, с. 104]

Возьмем наугад несколько градоначальников.

«Баклан, Иван Матвеевич, бригадир. Был роста трех аршин и трех вершков, и кичился тем, что происходит по прямой линии от Ивана Великого (известная в Москве колокольня). Переломлен пополам во время бури, свирепствовавшей в 1761 году» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 277–278].

Переломившийся пополам во время бури — чисто сказочный мотив, не говорю уже о происхождении от колокольни. Баклан ко всему прочему в те годы значил *хулиган*.

«Брудастый, Дементий Варламович. Назначен был впопыхах и имел в голове некоторое особое устройство, за что и прозван был “Органчиком”» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 278].

Органчик мог произносить только две фразы: «Не потерплю» и «Разорю». Потом выяснилось, что в голове у него был музыкальный механический инструмент. Тоже фантастика или сказка.

Или вот:

«Прыщ, майор, Иван Пантелеич. Оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 279].

Прыщ имел голову, фаршированную трюфелями. Из-за этого деликатеса предводитель дворянства съел его голову на приеме.

«Иванов, статский советник, Никодим Осипович. Был столь малого роста, что не мог вмещать пространных законов. Умер в 1819 году от натуги, усиливаясь постичь некоторый сенатский указ» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 279].

«Дю-Шарио, виконт, Ангел Дорофеевич, французский выходец. Любил рядиться в женское платье и лакомился лягушками. По рассмотрении, оказался девицею. Выслан в 1821 году за границу» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 279].

Что ни сюжет, то сказка!

Самый впечатляющий — «Угрюм-Бурчеев, бывший прохвост. Разрушил старый город и построил другой на новом месте» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 280].

Он был ужасен.

Но он сознавал это лишь в слабой степени и с какою-то суровою скромностью оговаривался. «Идет некто за мной, — говорил он, — который будет еще ужаснее меня».

[Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 397]

Это изуродованный евангельский парафраз. Иоанн Креститель говорил: «Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3:11).

Летопись о городе Глупове кончается апокалиптически:

Но здесь я должен сознаться, что тетрадки, которые заключали в себе подробности этого дела, неизвестно куда утратились. Поэтому я нахожусь вынужденным ограничиться лишь передачею развязки этой истории, и то благодаря тому, что листок, на котором она описана, случайно уцелел.

«Через неделю (после чего?), — пишет летописец, — глуповцев поразило неслыханное зрелище. Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч нечто несло на город: не то ливень, не то смерч. Полное гнева, оно несло, буровя землю, грохоча, гудя и стня и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было еще не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца.

Оно пришло...

В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным голосом произнес:

— Придет...

Но не успел он договорить, как раздался треск, и бывший прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе.

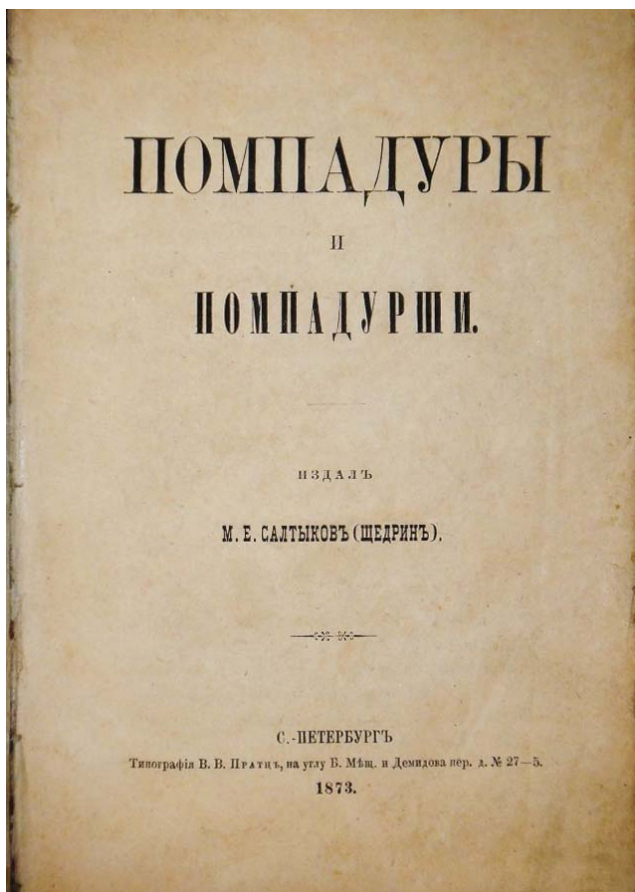
История прервала течение свое (курсив мой. — В. К.)».

[Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 423]

Это то, что может ожидать любой город, полагает сатирик. Любое государство. Мрачно. Получается, что апокалипсис неизбежен. Но стоит вспомнить строчку поэта Октябрьской революции Маяковского (как он себя называл): «Клячу истории загоним» (1918), чтобы понять пророческий контекст «Истории одного города». В этом контексте стоит вспомнить и рассказ писателя «Имярек» (1887), написанный за два года до смерти, вариацию на тему Книги Иова, рассказ об умирании, очевидно полный переживаний самого тяжело больного писателя.

А в 1873 году он неожиданно написал эротически-сатирический роман «Помпадурсы и помпадурши». Я открыл роман в 1964 году, буквально

в дни, когда был снят неожиданно для всех «наш Никита Сергеевич», который накуролесил в стране немало, достал всех, в том числе тех, что мечтали о спокойном приобретении благ, думали об образовании своих детей, а Хрущев, как последний градоначальник, «сжег гимназию и упразднил науки». Я жил в профессорском доме, построенном для профессоров Тимирязевской академии. Но Никита, как второй Лысенко, решил отменить научный подход к сельскому хозяйству. И хотел закрыть академию. Но вот сняли этого градоначальника, академия уцелела, я открываю том Салтыкова-Щедрина и читаю:

Очень уж нынче часто приходится нам с начальниками прощаться. Приедет начальник, не успеет к «благим начинаниям» вплотную приступить — глядь, его уж сменили, нового шлют! Поэтому мостовая в Вислоуховском переулке и доднесь не докончена, а проект о распространении в народе надлежащих чувств так и лежит в канцелярии не переписанный набело. Один начальник, как приехал, так первым делом приступил к сломке пола в губернаторском кабинете — и что же? сломать-то сломал, а нового на его место построить не успел! «Много, — говорил он потом, когда прощался с нами, — много намеревался я для пользы сделать, да, видно, богу, друзья мои, не угодно!» И действительно, приехал на место его новый генерал и тотчас же рассудил, что пол надо было ломать не в кабинете, а в гостиной, и соответственно с этим сделал надлежащее распоряжение. Следовательно, если и этого генерала скоро сместят, то другой генерал, пожалуй, найдет, что надо ломать пол в столовой, и таким образом весь губернаторский дом постепенно перепакостят, а «благих начинаний» все-таки в исполнение не приведут.

[Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 8, с. 8]

Когда я зачитывал эти строчки соседям, те нервно смеялись. Мол, чудом избежали!

Ну а помпадурши подбирались по вкусу помпадуров.

Писатель очень болел, его современник вспоминал:

Кабинет нашего гениального сатирика в два окна; он очень прост; оклеен лиловатыми обоями, и стены его украшены тремя большими, карандашом исполненными портретами: его жена (рожд. Болтина), сын и дочь. Тут же, в кабинете, два бюста Салтыкова, исполненные Забелло и кем-то другим. В гостиной, над диваном, висит превосходно писанный Крамским портрет Михаила Евграфовича.

«Сижу я все дома. Никуда не выхожу и не выезжаю, — говорил Салтыков, меня провожая и после беседы о разных современных событиях, — изредка лишь бываю у А. М. Унковского — благо близко живет, да иногда вечерком у В. И. Лихачева, — здоровье плохо, жить доводится недолго. Слышите, какой у меня кашель».

М. Е. Салтыкову всего лишь пятьдесят шесть лет.

[Семевский, 1957, с. 530]

Умер он через семь лет — в 63 года.

В 1875–1880 годах он писал, быть может, самый читаемый широкой публикой роман «Господа Головлевы», который печатался в «Отечественных запи-

сках», а в 1880 году вышел отдельным изданием в типографии А. С. Суворина. Там Щедрина удалось создать чрезвычайно популярный образ Иудушки Головлева, часто его использовал Ленин. Например, в письме за январь 1911 года он писал «о краске стыда у Иудушки Троцкого». Так что Щедрин очень помогал вождю.

В 1884 году были закрыты «Отечественные записки», отныне сатирик печатался в либеральном «Вестнике Европы», постоянным автором которого был продолжатель Достоевского Владимир Соловьев.

28 апреля 1889 года Салтыков умер в Петербурге, похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Интересно, что суровый писатель, готовый, казалось бы, к ударам любого противника, бивший по государству и его слугам совершенно беспощадно, тем не менее внутри себя очень даже опасался возможных полицейских репрессий. В мемуарах сына есть удивительные строчки:

Каждый раз, как поезд покидал Эйдкунен, последнюю прусскую станцию, отец видимо чрезвычайно волновался, как бы боясь, что его возьмут, да арестуют. Но этого ни разу не случилось, несмотря на то, что наш петербургский сосед, К. П. Победоносцев, не переставал рекомендовать в так называемых «сферах» отца, как человека совершенно нежелательного, вредного даже, которому следует запретить писать. Особенно настаивал он на этом перед министром внутренних дел гр. Дм. Толстым, который был однокашником отца по лицу. К чести этого сановника надобно сказать, что он наотрез отказал Победоносцеву в его просьбе, заявив, что, пока он министр, его старого товарища не тронут.

[Салтыков, 1923, с. 53–54].

Но реакция Победоносцева была не случайной. По словам исследователей, «кто-то, желая съязвить, называет рязанского вице-губернатора “вице-Робеспьером” и “домашним Герценом”» [Покусаев, Прозоров, 1977, с. 52]. Позже, в беседе с известным историком и журналистом М. И. Семевским Салтыков скажет:

«Вообще повторяю: о времени моей службы я стараюсь забыть. И вы ничего о ней не печатайте. Я — писатель, в этом мое призвание».

На мое, однако, замечание, что, если бы он не прошел всех стадий службы (кто на Руси не служил!), тогда, быть может, он и не стал бы тем, что он теперь, то есть не знал бы так Русь и всю ее бюрократию, — Салтыков согласился с этим.

[Семевский, 1957, с. 530]

Константин Михайлович Салтыков

В сохранении творений великого писателя невероятно большая роль принадлежит его жене. По словам сына М. Е. Салтыкова-Щедрина³, «мало кто знает, какой старательной сотрудницей она являлась в его литературных трудах. Дело в том, что отец писал какими-то иероглифами, совершенно непонятными для большинства не только малограмотных наборщиков того времени, но и для интеллигентных людей. Кроме того, он беспрерывно делал выноски на полях листа бумаги, связь которых с текстом было найти довольно замысловато. Вообще, рукописи его для человека, не освоившегося с его рукой, с его методом писания, представляли нечто крайне неразборчивое. И вот мама терпеливо занималась перепиской мужниных рукописей, которые в переделанном ею виде и попадали в наборные типографий. Этот труд стоил ей почти полной потери зрения» [Салтыков, 1923, с. 62].

³ Константин Михайлович Салтыков (1872–1932) — журналист, сын писателя. В 1872 году М. Е. Салтыков-Щедрин писал Некрасову: «Родился сын Константин, который, очевидно, будет публицистом, ибо ревет самым наглым образом» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 18, кн. 2, с. 98]. Годы спустя Константин признавался, что не унаследовал от отца «его могучий талант». Однако брал перо в руки, публикуя в пензенской прессе (в 1907 году он переехал туда по службе) очерки и зарисовки провинциальной жизни, путевые заметки. После революции намеревался уехать за границу, но что-то сложилось не так; приветствовал советский режим в газетах, бедствовал в Пензе, пока ему, как сыну великого писателя, не дали квартиру в Ленинграде и повышенную пенсию.

Могила М. Е. Салтыкова на Волковском кладбище

Как утверждает В. В. Прозоров, немногие подозревают, что писатель придумал новые слова: *халатный*, *мягкотельный*, *головотяп*, *злыхатель* и *благоглупости* (см.: [В. В. Прозоров ... , 2026]).

Сын писателя вспоминал:

Среди писателей того времени был один, которого отец ставил чрезвычайно высоко и рядом с которым он завещал себя похоронить. То был И. С. Тургенев. Надо сказать, что мне оказалось возможным исполнить эту папину последнюю волю, т. к., будто нарочно, в самом близком соседстве от Тургеневской могилы на Волковом кладбище в Петербурге, оказалось свободное место, которое мы и приобрели. Там теперь рядом с ним похоронена скончавшаяся в декабре 1910 года верная подруга его жизни, его жена, моя мать.

[Салтыков, 1923, с. 41]

Салтыков-Щедрин очень был воспринят и восхваляем радикалами, а затем большевиками. «Еще Некрасов и Салтыков, — писал В. И. Ленин, — учили русское общество различать под приглаженной и напوماженной внешностью

образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушные подобных типов...» [Ленин, 1973, с. 43].

В советское время попытались сатирика приспособить к постройке социализма. Георгий Максимилианович Маленков, в те годы считавшийся вторым человеком после Сталина, писал: «Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед» [Маленков, 1952, с. 73]. А вот эпиграмма Юрия Николаевича Благова (1913–2003), опубликованная в журнале «Крокодил» (1953, № 12):

Мы — за смех!
Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Довольно неожиданно и смело. Самое интересное, что автор не пострадал, хотя к власти пришли монстры страшнее щедринских градоначальников.

Зато внучка великого сатирика Тамара Николаевна Гладыревская ушла из жизни трагически. Несколько слов о ней необходимо сказать.

Тамара Николаевна Гладыревская (Дистерло) (1898–1938)

Начнем с данных НКВД:

беспартийная; переводчица на заводе №46,
Бутовский полигон место массовых расстрелов, Москва, Россия (ранее РСФСР)

Дата ареста:

29 марта 1938 г.

Приговорен:

Комиссией НКВД и Прокурора СССР 29 июля 1938 года по обвинению в «участии в контрреволюционной националистической организации»

Приговор:

к высшей мере наказания — расстрел

Реабилитирован:

24 ноября 1956 года за отсутствием состава преступления

(ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Номер дела: 27483.

Делопроизводственный номер: П-2869)

Дочь Салтыкова-Щедрина Лиза первый раз вышла замуж в 1892 году за барона польского происхождения Николая Александровича фон Дистерло, от которого родила дочь Тамару. В 1899 году они расстались. Второй брак — в 1900 году с американским итальянцем маркизом Эженом Адольфовичем де Пассано (Эжен де Пассано). В 1904 году у них родился сын Андрей. После революции Елизавета Михайловна с мужем и сыном уехали из России, собирались ненадолго, но оказалось навсегда. Она умерла в 1927 году. Похоронена в Париже на кладбище Пер-Лашез.

Дочь же Елизаветы Михайловны Салтыковой от первого брака — Тамара Дистерло из России вместе с матерью не уехала. Именно она, Тамара Николаевна Дистерло, по мужу Гладыревская, успела передать в Государственный литературный музей совершенно уникальные семейные фотографии, именно ей мы обязаны тем, что можем рассматривать изображения любимых детей писателя. Родилась Тамара в 1898 году в Петербурге. Ее отцом, как упоминалось выше, был генерал царской армии Николай Александрович фон Дистерло, его не стало в 1920 году. С шестнадцати лет Тамара начала жить и зарабатывать самостоятельно. Она давала уроки иностранных языков, поскольку блестяще знала английский, немецкий, французский, итальянский. Во время Первой мировой войны пошла на фронт сестрой милосердия. В 1920-е годы работала переводчицей в Казани в американской организации помощи голодающим.

В 1930-е годы жила в Москве, много работала: в Научно-экспериментальном институте медицины и одновременно на Кунцевском военном заводе переводчицей. Были они вполне счастливы с мужем Александром Ильичом Гладыревским, который удочерил ее девочек от первого брака — Елену и Софью.

Много позже стало известно, что Тамара Николаевна была арестована по статье № 58 и приговорена к 10 годам заключения без права переписки (по тем временам это означало расстрел). Не помогло и то, что она была внучкой классика русской литературы, писателя-демократа, которого высоко ценил и цитировал Ленин. В августе 1938 года Тамару Николаевну Гладыревскую расстреляли на Бутовском полигоне, в 1956 году реабилитировали за отсутствием состава преступления.

* * *

Закончить статью про великого русского сатирика и сказочника хочется сказкой. Как написал один из крупнейших исследователей творчества Салтыкова-Щедрина, писатель по сути дела создал «сказочный мир» [Прозоров, 1988, с. 135]. Но тоже в каком-то смысле сатирический.

Богатырь

В некотором царстве Богатырь родился. Баба-яга его родила, вспоила, вскормила, выхолила, и когда он с коломенскую версту вырос, сама на покой в пустыню ушла, а его пустила на все четыре стороны: «Иди, Богатырь, совершай подвиги!»

Разумеется, прежде всего Богатырь в лес ударился; видит, один дуб стоит — он его с корнем вырвал; видит, другой стоит — он его кулаком пополам перешиб; видит, третий стоит и в нем дупло — залез Богатырь в дупло и заснул.

Застонала мать зеленая дубровушка от храпов его перекатистых; побежали из лесу звери лютые, полетели птицы пернатые; сам леший так испугался, что взял в охалку лешачиху с лешачатами — и был таков.

Пошла слава про Богатыря по всей земле. И свои, и чужие, и други, и супостаты не надивятся на него: свои боятся вообще потому, что ежели не бояться, то каким же образом жить? А, сверх того, и надежда есть: беспременно Богатырь для того в дупло залег, чтоб еще больше во сне сил набраться: «Вот ужо проснется наш Богатырь и нас перед всем миром воспрославит». Чужие, в свой черед, опасаются: «Слышь, мол, какой стон по земле пошел — никак, в “оной” земле Богатырь родился! Как бы он нам звону не задал, когда проснется!»

И все ходят кругом на цыпочках и шепотом повторяют: «Спи, Богатырь, спи!»

И вот прошло сто лет, потом двести, триста и вдруг целая тысяча. Улита ехала-ехала, да наконец и приехала. Синица хвасталась-хвасталась, да и в самом деле моря не зажгла. Варили-варили мужика, покуда всю сырость из него не выварили: ау, мужик! Все приделали, все прикончили, друг дружку обворовали начисто — шабаш! А Богатырь все спит, все незрячими очами из дупла прямо на солнце глядит да перекастистые храпы кругом на сто верст пускает.

Долго глядели супостаты, долго думали: «Могущественна, должно быть, оная страна, в коей боятся Богатыря за то только, что он в дупле спит!»

Многострадальная и долготерпеливая была оная страна и имела веру великую и неослабную. Плакала — и верила; вздыхала и верила. Верила, что когда источник слез и воздыханий иссякнет, то Богатырь улучит минуту и спасет ее. И вот минута наступила, но не та, которую ждали обыватели. Поднялись супостаты и обступили страну, в коей Богатырь в дупле спал. И прямо все пошли на Богатыря. Сперва один к дуплу остороженько подступил — воняет; другой подошел — тоже воняет. «А ведь Богатырь-то гнилой!» — молвили супостаты и ринулись на страну.

Супостаты были жестоки и неумолимы. Они жгли и рубили все, что попадало навстречу, мстя за тот смешной вековой страх, который внушал им Богатырь. Заметались людишки, видя лихое безвременье, кинулись навстречу супостату — глядят, идти не с чем. И вспомнили тут про Богатыря, и в один голос возопили: «Поспешай, Богатырь, поспешай!»

Тогда совершилось чудо: Богатырь не шелохнулся. Как и тысячу лет тому назад, голова его неподвижно глядела незрячими глазами на солнце, но уже тех храпов могучих не выпускала, от которых некогда содрогалась мать зеленая дубровушка.

Подошел в ту пору к Богатырю дурак Иванушка, перешиб дупло кулаком — смотрит, ан у Богатыря гадюки туловище вплоть до самой шеи отъели.

Спи, Богатырь, спи!

(1886)

[Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 192–194]

* * *

Да, этот богатырь не мог спасти внучку сатирика. Жуткая история.

Список источников

В. В. Прозоров дал комментарий Первому каналу к 200-летию Салтыкова-Щедрина. 28.01.2026. URL: <https://www.sgu.ru/news/2026/v-v-prozorov-dal-kommentariy-pervomu-kanalu-k-200-letiyu-saltykova-schedrina?ysclid=mlkqv196wo966318470> (дата обращения: 01.02.2026).

Ленин В. И. Памяти графа Гейдена (Чему учат народ наши беспартийные «демократы»?) // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 16. С. 37–45.

Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1952. 108 с.

Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с. (Сер.: Лит. памятники).

Покусаев Е. И., Прозоров В. В. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Биография писателя. Изд. 2-е. Л.: Просвещение, 1977. 160 с.

Прозоров В. В. Салтыков-Щедрин. М.: Просвещение, 1988. 176 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700 с.

Салтыков К. М. Интимный Щедрин. М.-Петроград: Госиздат, 1923. 79 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В двадцати томах. М.: Худож. лит., 1965–1977. 20 т.

Семевский М. И. Михаил Евграфович Салтыков // Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 523–530.

Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // *Толстой А. К.* Собрание сочинений в четырех томах. М.: Изд-во Правда, 1969. Т. 1. С. 371–386.

Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. М.: Молодая гвардия, 1989. 621 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей).

Чернышевский Н. Г. «Губернские очерки» Щедрина // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. Т. 4. С. 263–302.

Архивы

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

References

Chernyshevskii, N. G. (1948) “‘Gubernskie ocherki’ Shchedrina” [“Shchedrin’s ‘Provincial Essays’”], in Chernyshevskii, N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: V 15 tomakh.*

Tom 4 [Complete Works: in 15 vols. Vol. 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 263–302.

Lenin, V. I. (1973) “Pamyati grafa Geidena (Chemu uchat narod nashi bespartiinye ‘demokraty?’)” [“In Memory of Count Heyden (What Do Our Non-Party ‘Democrats’ Teach the People?)”], in Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. Tom 16 [Complete Works: in 55 vols. Vol. 16].* 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury [Political Literature Publishing House], pp. 37–45.

Malenkov, G. M. (1952) *Otchetnyi doklad 19 s'ezdu partii o rabote Tsentral'nogo Komiteta VKP(b) [Report to the 19th Party Congress on the Work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)].* Moscow: Gospolitizdat.

Pokusaev, E. I. and Prozorov, V. V. (1977) *Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin. Biografiya pisatelya [Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin. Biography of a Writer].* 2nd ed. Leningrad: Prosveshchenie.

Povest' vremennykh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod [The Tale of Bygone Years. Part One. Text and Translation] (1950) Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences]. (Seriya: Literaturnye pamyatniki [Series: Literary Monuments]).

Prozorov, V. V. (1988) *Saltykov-Shchedrin.* Moscow: Prosveshchenie.

Pushkin, A. S. (1995) *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 tomakh. Tom 6 [Complete Works: in 17 vols. Vol. 6].* Moscow: Voskresen'e.

Saltykov, K. M. (1923) *Intimnyi Shchedrin [Intimate Shchedrin].* Moscow-Petrograd: Gosizdat.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1965–1977) *Sobranie sochinenii: V dvadtsati tomakh [Collected Works: in Twenty vols]* (20 vols). Moscow: Khudozhestvennaya literatura [Art Literature].

Semevskii, M. I. (1957) “Mikhail Evgrafovich Saltykov”, in *Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov [Saltykov-Shchedrin in the Memories of Contemporaries].* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 523–530.

Tolstoi, A. K. (1969) “Istoriya gosudarstva Rossiiskogo ot Gostomysla do Timasheva” [“History of the Russian State from Gostomysl to Timashev”], in Tolstoi, A. K. *Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh. Tom 1 [Collected Works in Four vols. Vol. 1].* Moscow: Izdatel'stvo Pravda [Pravda Publishing House], pp. 371–386.

Tyun'kin, K. I. (1989) *Saltykov-Shchedrin.* Moscow: Molodaya gvardiya [Molodaya Gvardiya]. (Seriya: Zhizn' zamechatel'nykh lyudei [Series: The Life of Remarkable People]).

V. V. Prozorov dal kommentarii Pervomu kanalu k 200-letiyu Saltykova-Shchedrina [V. V. Prozorov Gave a Commentary to Channel One on the 200th Anniversary of

Saltykov-Shchedrin] (2026) Available at: <https://www.sgu.ru/news/2026/v-v-prozorov-dal-kommentariy-pervomu-kanalu-k-200-letiyu-saltykova-schedrina?ysclid=mlkqv-196wo966318470> (Accessed: 01 February 2026).

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2026;
одобрена после рецензирования 01.03.2026;
принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 08.02.2026;
approved after reviewing 01.03.2026;
accepted for publication 10.03.2026.